

СИБИРСКО-ФРАНЦУЗСКИЙ ДИАЛОГ И ЛИТЕРАТУРНОЕ ОСВОЕНИЕ СИБИРИ XVII–XX ВЕКОВ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО СЕМИНАРА

Под редакцией
Е.Е. Дмитриевой, О.Б. Лебедевой,
А.Ф. Строева

Ирина Поплавская
(Национальный исследовательский
Томский государственный университет)

ФРАНЦУЗСКАЯ И РУССКАЯ РЕЦЕПЦИЯ СИБИРИ:
КНИГА ТЕСБИ ДЕ БЕЛЬКУРА
«RELATION OU JOURNAL D'UN OFFICIER FRANÇAIS»
В КОЛЛЕКЦИИ СТРОГАНОВЫХ
НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА*

В Научной библиотеке Томского университета хранится одна из уникальных книжных коллекций Сибири — родовая библиотека Строгановых. Последним владельцем этого собрания был граф Григорий Александрович Строганов (1770–1857). Он является представителем одной из ветвей русской аристократической фамилии Строгановых. Родоначальником ее считается Спиридон, крестьянин, живший на Русском Севере во времена великого князя Дмитрия Донского (1350–1389)¹.

Г.А. Строганов — известный государственный и общественный деятель России первой половины XIX в. Его можно охарактеризовать как типичного «русского европейца», который длительное время жил за границей. Он был русским посланником в Испании (1805–1809), Швеции (1812–1816), Турции (1816–1821), представлял Россию на коронации английской королевы Виктории в 1838 г.

Книжное собрание Г.А. Строганова формировалось на протяжении семидесяти лет и включало в себя более 24000 томов на французском, английском, немецком, испанском, итальянском, польском, шведском, русском и других языках. В 1879 г. библиотека Г.А. Строганова была подарена его сыновьями Томскому университету. В настоящее время она хранится как единое целое в Научной библиотеке университета.

С этим книжным собранием работает коллектив сотрудников библиотеки и преподавателей Томского университета. Изучение библиотеки Строгановых ведется через выявление и описание отдельных внутренних коллекций: коллекции книг на французском, немецком,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ. Проект «Рукописное наследие в книжном собрании Строгановых», № 15-14-70002 а (р).

¹ *Кулцов И.В.* Род Строгановых. Челябинск: ТО «Каменный пояс», 2005. С. 6.

испанском, русском языках². Вместе с тем это книжное собрание исследуется и тематически. В частности, предметом специального рассмотрения были книги и периодические издания эпохи Великой французской революции, коллекции графических работ и музыкальных произведений, сочинения русских писателей XVIII–XIX вв.³

Известный русский историк и публицист князь Петр Владимирович Долгоруков (1817–1868) в середине XIX в. писал о том, что «Строгановым Россия обязана покорением Сибири»⁴. В конце XIX столетия, когда только что основанному Томскому университету была подарена библиотека Г.А. Строганова, попечитель западно-сибирского учебного округа В.М. Флоринский в этой связи говорил о том, что

² См.: *Крупцева О.В.* Книги на французском языке в Научной библиотеке ТГУ (по материалам книжного собрания Г.А. Строганова) // Традиции и инновации в лингвистике и лингвистическом образовании: Сб. материалов международной научной конференции (23–24 октября 2009 г., г. Томск). Томск: Позитив-НБ, 2009. С. 278–281; *Поплавская И.А.* Проблемы изучения библиотеки Строгановых в Томске: книги французских писателей XIX в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 4(20). С. 87–97; *Дашевская О.А.* Библиотека Строгановых как выражение литературного самосознания эпохи: сочинения немецких писателей конца XVIII – первой половины XIX в. // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2012. № 3 (7). С. 44–54; *Жеравина О.А.* Мадридское издание «Дон Кихота» 1780 г. Из книжного собрания Строгановых Научной библиотеки Томского государственного университета // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2012. № 3 (7). С. 55–60; *Колосова Г.И.* Русские издания о Наполеоновских войнах в книжном собрании Г.А. Строганова // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. № 2 (10). С. 70–77.

³ См.: *Жеравина О.А., Соколов Н.Н.* Источники и литература о Великой французской революции в Научной библиотеке Томского университета (Библиотека Строганова) // Новая и новейшая история. 1988. № 2. С. 176–179; *Поплавская И.А., Разумова Н.Е.* Книги о Великой французской революции (из собрания графов Строгановых) // Русская книга в дореволюционной Сибири. Фонды редких книг и рукописей сибирских библиотек. Новосибирск: ГПНТБ СО АН СССР, 1988. С. 47–62; *Антипова Ю.В., Крупцева О.В.* Музыка в семье Строгановых (о собрании нот в книжной коллекции Григория Строганова) // Сибирский музыкальный альманах: Ежегодник. 2001. Новосибирск: Новосибирская гос. консерватория им. М.И. Глинки, 2002. С. 154–165; *Гончарова Н.В.* Гравированные портреты Ф. Вендрамини, посвященные героям Отечественной войны 1812 г., в книжном собрании Г.А. Строганова (На материалах Научной библиотеки Томского государственного университета) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2012. № 3 (7). С. 35–43; *Колосова Г.И.* Русская художественная литература первой половины XIX столетия в книжном собрании графа Г.А. Строганова. Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2014. № 2(14), 4553.

⁴ *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга: В 4 ч. СПб.: типография Эдуарда Веймара, 1854–1857. Ч. 2. С. 212.

<...> род Строгановых, триста лет тому назад принимавший деятельное участие в снабжении Ермаковой дружины материальными средствами для первого завоевания Сибирского царства, по всей вероятности, отнесется сочувственно и к духовному покорению Сибири, орудием которого предназначается быть Томскому университету⁵.

Литература о Сибири в библиотеке Строгановых не раз становилась предметом специального изучения и включала в себя произведения И.Э. Фишера (1697–1771), Ж. Шапп д'Отроша (1722–1769), П.С. Палласа (1741–1811), М.А. Бенёвски (1746–1786), Ж.Б.Б. де Лессепса (1766–1834), статью о Сибири И.Г. Шницлера (1802–1871) в «Encyclopédie des gens du monde» («Энциклопедии светских людей»), издававшейся в Париже в 1833–1844 гг.⁶ Особое место в этом ряду занимает книга «Relation ou Journal d'un officier français au service de la Confédération de Pologne, pris par les Russes et relégué en Sibérie», автором которой является Франсуа Огюст Тесби де Белькур, капитан французской армии. Экземпляр, хранящийся в библиотеке Строгановых, был написан на французском языке и издан в Амстердаме в 1776 г. В предисловии от издателя говорится, что автор этого исторического дневника — военный, который пробыл в Сибири 3 года и почти забыл французский язык. Возвратившись в Польшу, он счел необходимым опубликовать свои наблюдения, сделанные в Тобольске, куда он был сослан как военнопленный и где находился в период с 1770 по 1773 гг.⁷

В начале «Дневника» де Белькур сообщает о своем участии в англо-французских войнах на территории Северной Америки в 1760-х гг. После сдачи в плен англичанам он был привезен в Англию и вскоре отпущен. Возвратившись во Францию, де Белькур 7 мая 1769 г. поступает на службу в недавно основанную Польскую

⁵ *Флоринский В.М.* Заметки и воспоминания // Русская старина. 1906. № 3. С. 584.

⁶ См.: *Крупцева О.В.* Французские издания XVIII века о Сибири в библиотеке Г.А. Строганова // Вузовские библиотеки Сибири. Выпуск 22. Из истории книжных фондов библиотеки Томского университета. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1995. С. 62–70; *Крупцева О.В.* Французские издания первой половины девятнадцатого века о Сибири в библиотеке Г.А. Строганова // Четвертые макушинские чтения (6–7 мая 1997 г., г. Омск). Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 1997. С. 28–31.

⁷ Фрагмент из этой книги в переводе на русский язык под названием «Заметка француза о Москве в 1774 году» был опубликован в журнале «Древняя и Новая Россия». 1875. № 11. С. 379–282. (Публикация Н.И. Дмитриева).

Конфедерацию⁸. В результате разгрома армии Конфедерации он вместе с другими французскими офицерами в январе 1770 г. оказался в русском плену. Его путь в Сибирь проходил через Киев, Тулу, Казань, Екатеринбург и Тюмень. Основным местом ссылки де Белькура становится Тобольск, куда он прибывает в октябре 1770 г.

Книга де Белькура первоначально входила в состав личной библиотеки, принадлежащей другой линии рода Строгановых. Эта линия была представлена бароном Сергеем Николаевичем Строгановым (1738–1771), который приходился родным дядей Г.А. Строганову, его второй женой Натальей Михайловной Строгановой (1745–1819), урожденной Белосельской, их сыном Александром Сергеевичем Строгановым (1771–1815). После смерти Н.М. Строгановой часть книг и рукописей из ее личной библиотеки и библиотеки ее сына вошла в состав книжной коллекции Г.А. Строганова. О том, что «Дневник» де Белькура принадлежал баронессе Н.М. Строгановой, свидетельствует тот факт, что он упоминается в рукописном каталоге ее сына А.С. Строганова, хранящемся в Научной библиотеке Томского университета⁹. Кроме того, книги из ее библиотеки, как правило, выходили в период с 1711 по 1787 гг., основным язык их — французский, место издания — Париж, Гаага, Амстердам, Женева¹⁰. Тематически произведение де Белькура соотносится с такими изданиями, имеющими в библиотеке Н.М. Строгановой, как «Моральные и критические письма» писателя и философа эпохи Просвещения маркиза д'Аржана (1704–1771), «История переворотов в Российской империи» литератора, издателя и книготорговца Жака Лакомба (1724–1811), «Российская история» историка Пьера Шарля Левека (1736–1812), долгое время жившего в России, и др.¹¹ Возможно, что отдельные книги из личной библиотеки Н.М. Строгановой

⁸ Relation ou Journal d'un officier français au service de la Confédération de Pologne. pris par les Russes et relégué en Sibérie. Amsterdam, MDCCLXXVI (1776). P. 4. В дальнейшем все сноски даются по этому изданию с указанием страницы в скобках. Перевод цитируемых в статье фрагментов этой книги с французского языка на русский выполнен О.В. Крупцовой и И.А. Поплавской.

⁹ Catalogue des livres de la Bibliothèque de Monsieur le Baron Al. Strogonoff. P. 5. «Voyages». SPb., 1814. P. 7.

¹⁰ См. об этом: *Крупцова О.В.* Книги баронессы Н.М. Строгановой в фонде библиотеки Томского государственного университета: проблемы выявления и изучения // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2014. № 2(14). С. 86–92.

¹¹ Там же. С. 88, 90.

были приобретены во время ее заграничного путешествия по Европе в 1780–1782 гг.¹²

Экземпляр книги де Белькура, хранящийся в библиотеке Строгановых, содержит карандашные пометы на страницах 63, 81, 82, 111, 112. На переплетном листе в конце книги карандашом указаны номера восьми страниц: 63, 66, 79, 80, 81, 82, 88, 112, содержание которых заинтересовало русского читателя. Этим читателем, с большой долей вероятности, могла быть или сама Н.М. Строганова, или кто-то, близкий к ее окружению. Если в самом «Дневнике» происходит конструирование образа Сибири, увиденного глазами пленного французского офицера, то в пометах отражена его русская рецепция, рождающаяся на пересечении письма и чтения, на пересечении французской дневниковой традиции XVIII в. и ее русской интерпретации.

Обратимся к тексту «Дневника» и пометам, оставленным в этой книге. Так, например, приехав в Тюмень, де Белькур пишет о Западной Сибири:

Этот край называют чистилищем для католиков; по моему мнению, его можно назвать адом для всех порядочных и честных людей, которые имели несчастье попасть сюда, и раем для злодеев (63).

Данный фрагмент был отмечен на полях читателем «Дневника», а выражение «чистилище для католиков» подчеркнуто в тексте карандашом. Образ Сибири выступает здесь как своего рода развернутая метафора трехуровневого вертикального мироустройства, спроецированного на горизонтальную плоскость. В этом образе пересекаются горизонтальная сюжетная линия пути героя и сакральное вертикальное пространство, обладающее миромоделирующими функциями.

Восприятие Сибири ссыльным французом как испытания («чистилища») для католиков, как места физической или нравственной гибели («ада») «для порядочных и честных людей» и как благоденствия («рая») «для злодеев» вписывается в уже сложившуюся во французской литературе XVII–XVIII вв. геомифологию Сибири либо в прямом, либо в обратном, зеркальном, как у Белькура, пре-

¹² Подробнее о путешествии Н.М. Строгановой и ее дневнике см.: *Крупцева О.В.* «Она по-русски плохо знала...»? Французский дневник баронессы Н.М. Строгановой в Томске // Документ как социокультурный феномен: Сб. материалов IV Всероссийской научно-практической конференции. Кафедра истории и документоведения Томского государственного университета. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2010. С. 346–350.

ломлении. Однако на формирование образа Сибири у французского автора накладывается его русская рецепция, восходящая к устным преданиям и летописным источникам, раскрывающим причастность рода Строгановых к завоеванию и освоению данного региона. В этом плане история образования Российской империи в XVI–XVII вв. как «продвигаемой границы» совпадает с активным участием в ней отдельных представителей рода Строгановых. Деятельность Строгановых в это время воспринимается как своеобразное «паломничество», когда, по словам Б. Андерсона, перемещаясь из колониальной периферии в имперские центры и обратно, «паломники» «приобретают новое представление о территориальной протяженности, о качестве пространства, о пространственных идентификациях. Унифицирующие возможности империи, в сочетании с мобильностью паломников, осуществляющих эти возможности, во многом определяют территориальные границы нации»¹³. В русской читательской рецепции конца XVIII в. образ Сибири соотносится в большей мере с идеологией империи- и нациестроительства, с актуализацией в нем цивилизующего и преображающего государственного начала. Здесь уместно привести параллель между чувством причастности Строгановых к созданию этого нового мифа о Сибири с представлением Пушкина о русской жизни и русской государственности как «непрерывном и мучительном преодолении хаоса началом разума и воли»¹⁴.

Раскрывая участие рода Строгановых в освоении Сибири, необходимо в этой связи упомянуть и о книге «Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием» немецкого историка Иоганна Фишера (1697–1771), жившего в Сибири с 1739 по 1747 г. В библиотеке Строгановых имеются два издания этой книги. Одно из них было издано на русском языке в Петербурге в 1774 г. тиражом в 2400 экземпляров, другое вышло на французском языке в Париже в 1800 г. В «Сибирской истории» автор впервые упоминает имя Аники (Иоанникия) Федоровича Строганова (1497–1569), крупного промышленника, основателя солевых промыслов на русском Севере от Карелии до Урала. Созданные им поселения на берегах реки Камы помогли во многом завоеванию Сибири. Позднее, пишет Фишер, сын и внуки Аники Строганова

¹³ Баньковская С. Воображаемые сообщества как социологический феномен. Электронный ресурс. Адрес электронного доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/anders/intro.php

¹⁴ Федотов Г.П. Певец империи и свободы // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX — первая половина XX в. М.: Книга, 1990. С. 361.

снабжали казачьего атамана Ермака и его воинов продовольствием и оружием¹⁵.

Вернемся вновь к «Дневнику французского офицера». Описывая нравы местного населения, де Белькур говорит о противоречии между разрушающим «цивилизованным» началом, привнесенном в Сибирь извне, и «естественной» жизнью «сынов Природы». Описывая быт ссыльных, которые покупают себе за взятки свободу передвижения, автор дневника пишет о том, что они

<...> впадают в свои прежние прегрешения и развращают нравы местного населения, такого доброго, честного, человеческого. Однако частое общение с этими злоумышленниками почти всех их совратило с истинного пути (81).

Этот отрывок тоже отмечен читателем вертикальной карандашной чертой на полях, а выражение «такого доброго, честного, человеческого» подчеркнуто в тексте карандашом. В этом смысле восприятие Сибири французским автором как «чистилища» и пространства личного искупления греха соотносится с представлением о неизбежности нравственной или физической гибели человека или отдельного народа как условия этого искупления и дальнейшего восхождения к «раю». В русской же читательской рецепции добрые нравы местного населения выражают скорее просветительскую веру в благородную природу человека как основу для его возможного перевоспитания, неотделимого от дальнейшего экономического и культурного развития этого региона в целом.

В самом же тексте «Дневника» речь идет о необходимости более активного вовлечения ссыльных в развитие промышленности, ремесел и торговли в этом крае. Воспринимая Тобольск как административную, экономическую и культурную столицу Сибири конца XVIII в., автор пишет:

На мой взгляд, нет другого города во всей Империи, включая обе столицы, более предрасположенного и более подходящего для процветания искусств, чем Тобольск (80).

¹⁵ Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб.: Императорская Академия наук, 1774. С. 113, 118.

Еще один фрагмент из «Дневника» де Белькура касается его представления о будущем Сибири. Автор говорит об этом:

Если в Сибири будет просвещенный губернатор, честный и с любовью к общественному благу, исполняющий приказы Двора, преисполненного добрых намерений, он сможет превратить этот край в один из самых процветающих (82).

Этот отрывок также был выделен при чтении вертикальными карандашными пометами на полях и может быть прочитан на пересечении нескольких культурных кодов. В контексте французской рецепции будущее Сибири видится автору как движение от «ада» через искупление к «раю». В этом смысле «восходящее» развитие Сибири символически соотносится с судьбой самого де Белькура, прожившего в ссылке 3 года и впоследствии возвратившегося на родину. В русской же рецепции акцент может быть сделан в большей степени на раскрытии цивилизующей роли государства и просвещенной личности в деле экономического и культурного процветания Сибири. И причастность семьи Строгановых к этому процессу может быть осмыслена как своего рода вторичное, эмоциональное проживание истории завоевания и освоения этого края.

Однако это видение будущего Сибири представлено в «Дневнике» неоднозначно. Оно связано как со сложной природой самой государственной власти и колониальной политики России по отношению к Сибири, с ее холодным климатом и сложными условиями жизни, так и с нравственной природой самого человека. В этой связи важно подчеркнуть, что описывая нравы жителей Западной Сибири, де Белькур отмечает их сходство с аборигенами Канады и далее говорит о том, что

<...> сибиряки имеют доброе сердце; они услужливы и гостеприимны. Но тиранья правительства наделила их пороками, которых бы они не знали, если бы страх не сделал их такими (111).

Этот фрагмент также был отмечен при чтении «Дневника».

Наконец, хотелось бы выделить и чисто французский дискурс, связанный с восприятием де Белькуром сибирячек. Автор пишет:

Красивых женщин мало, а в общем они ни хороши, ни уродливы, но сладострастны, очень предприимчивые, очень изобре-

тательные в вопросах ухаживания и бóльшие мошенницы, чем их мужья (112).

На этой странице тоже имеются читательские карандашные пометы, и, кроме того, ее номер был записан на нижнем переплетном листе.

Содержание других страниц, которые были отмечены в конце книги, касается в основном бытовых условий жизни пленных французских офицеров в Сибири. Так, например, вскоре после их прибытия в Тобольск сибирский губернатор Денис Иванович Чичерин (1720–1785) 1 ноября 1770 г. приказал выделить от своего имени 12 су в день на содержание каждого из них (С. 64). Д.И. Чичерин, который впоследствии благодаря своим решительным действиям сумел избавить Сибирь от ужасов Пугачевщины¹⁶, неоднократно упоминается на страницах книги де Белькура. Прибывших в город французов он посчитал вправе «поместить вместе с самыми отъявленными уголовниками, сосланными в эту губернию для искупления своих преступлений» (С. 66). Отмеченный здесь бытовой факт соотносится с восприятием французами Сибири и как места искупления, связанного с философией судьбы личности. В русской же рецепции искупление приобретает дополнительный исторический смысл, имеющий отношение к событиям русско-турецкой войны 1769–1774 гг. Об этом свидетельствует, в частности, фрагмент текста на с. 88, которая также была отмечена на переплетном листе книги де Белькура. Автор пишет:

19 мая я развлекался тем, что смотрел на ледоход, когда пришли ко мне от губернатора сказать, чтобы я явился к нему. Он прочел в одной газете, что русские обстреливают Константинополь. Эта новость пролилась ему таким бальзамом на сердце и привела его в такое прекрасное расположение, что он принял меня самым любезным образом и положил мне на два месяца содержание в 25 су в день. Он изменял наше содержание в зависимости от своего настроения (87–88).

В этом отрывке, по-видимому, речь идет о блокаде русскими военными кораблями под командованием адмирала Г.А. Спиридова (1713–1790) пролива Дарданеллы в конце 1770 – начале 1771 гг. Обращают на себя внимание и характер взаимоотношений сибирского

¹⁶ Гизенвинкель К.Б. Сибирский губернатор Д.И. Чичерин // Исторический вестник. 1893. Т. 52. № 6. С. 783.

губернатора с пленными французскими офицерами, и «эмоциональные» способы его управления этим краем.

На этой же странице описываются реки Тобол и Иртыш, в месте слияния которых расположен Тобольск, основанный, как известно, в 1587 г. Ср.:

Воды Иртыша и Тобола текут в одном русле после своего слияния, но не перемешиваются. На протяжении более одного лье их еще можно различить. Вода в Тоболе более светлая; вода в Иртыше грязная и мутная. Рыба, которая водится в Тоболе, гораздо лучше, чем та, которая водится в Иртыше: одна и та же рыба, выловленная в разных реках, на рынке различается по цвету. Самая лучшая рыба — это стерлядь, неизвестная в Южных странах Европы. Ее мясо обычно желтоватое, без волокон, прекрасного вкуса и очень сочное (88–89).

Данный отрывок, который воспринимается как своего рода визуальный образ Тобольска и его окрестностей, тоже привлек внимание русского читателя. Визуализация как один из способов репрезентации культурного локуса сближает автора дневника и его читателей. Визуальные образы, соединяющие в себе пространственные и временные характеристики в их взаимопроникающем единстве, как в двух вышеприведенных фрагментах, воспринимаются в качестве необходимых констант для создания специфических локальных нарративов.

Известно, что спустя три года после своего пребывания в Тобольске де Белькур получил разрешение вернуться на родину. Его обратный путь пролегал через Москву, куда он прибыл в феврале 1774 г. В «Дневнике» автор пишет о своих встречах в это время с московским губернатором, князем М.Н. Волконским (1713–1788), президентом военной коллегии, графом З.Г. Чернышевым (1722–1784), с поверенным в делах Франции в России Ф.М. Дюраном де Дистроффом (1714–1778). Находящемуся в Москве де Белькуру было предложено графом Чернышевым вступить в русскую службу, но он не принял этого приглашения, «несмотря даже на то, что французский поверенный в делах Дюран отказал ему в денежном пособии»¹⁷.

Московские эпизоды книги де Белькура представляют интерес и в историческом плане. В них описываются действия князя Волконского в период Пугачевского восстания в 1773–1774 гг. и реакция мо-

¹⁷ Древняя и Новая Россия. 1875. № 11. С. 281–282. (Публикация Н.И. Дмитриева).

сквичей на эти события. Кроме того в «Дневнике» особое внимание привлекает восприятие французом Москвы 1770-х гг. как города-лабиринта¹⁸. Ср.:

Нельзя лучше обрисовать картину Москвы, чем представить ее как скопление огромного числа деревень, соединенных в беспорядке и таком смешении, что там чувствуешь себя как в обширном лабиринте. Огромные особняки, называемые дворцами, построены в стиле барокко. Эти дворцы окружены низкими жалкими домишками, которые, без сомнения, лучше назвать лачугами (213).

Еще несколько замечаний касаются самого жанра рассматриваемого произведения. Это дневник ссыльного французского офицера, в основе которого лежали, по всей видимости, какие-то записи, которые автор вел в течение нескольких лет. Об этом свидетельствует точная хронология событий, образующая своего рода «канву» его жизни. Так, де Белькур пишет о том, что после вступления в ряды Конфедерации он уехал из Парижа 23 мая <1769> г. и приехал в Вену 9 июля (С. 6); или, например, он сообщает о своем прибытии уже в качестве ссыльного в Казань 1 мая <1770> г. (С. 45). Автор воспроизводит и отдельные подробности своего пути, например, из Праги до Киева. Он говорит: «По дороге из Праги до Киева умерли 97 человек, а $\frac{3}{4}$ оставшихся в живых были едва живы» (С. 37). Уже находясь в Тобольске в ноябре 1770 г., он рассказывает о своей встрече там с известным ученым и путешественником Петером Палласом (1741–1811), направлявшимся в экспедицию в районы Восточной Сибири и Забайкалья.

Эта своего рода бытовая «хроника» пленного французского офицера, прожившего три года в Сибири, скрепляется детальными описаниями городов, через которые ему пришлось проходить, и указанием расстояния между ними. Так, например, он сообщает: «Мы прибыли в Тюмень, небольшой городок в 252 верстах от Тобольска» (61). Поселившись в Тобольске, он дает подробное описание этого города. Ср.:

Тобольск представляет собой город, находящийся на возвышенности и окруженный <стенами>. Высота ограждения

¹⁸ Подробнее об этом и об участии французского архитектора Н. Леграна в строительстве Москвы 1770-х гг. см.: *Клименко Ю.Г.* Пространство города эпохи Просвещения в первом проектом плане Москвы 1775 года // *Пространство и Время.* 2013. № 4 (14). С. 136–145.

довольно значительная. С западной стороны открывается вид на Иртыш <...>. Каменная стена, расположенная с южной стороны, тянется вдоль обоих берегов реки, рукава которой соединяются с восточной стороны. На севере простирается огромная равнина, покрытая лесом (71).

Итак, книга де Белькура, хранящаяся в библиотеке Строгановых в Томске, наглядно демонстрирует конструирование образа Сибири как особого нарративного конструкта сквозь призму «двойного» французо-русского видения. В ней Сибирь неотделима от рассказа о событии — истории жизни пленного французского офицера, а само событие рассказывания представлено в форме автобиографической хроники-воспоминания. Вместе с тем образ Сибири дополняется здесь читательскими пометами и подчеркиваниями, которые воспринимаются как своего рода метанарративные элементы, раскрывающие русскую рецепцию этого региона России и непосредственную причастность рода Строгановых к его завоеванию и освоению. Это «двойное» прочтение сибирских эпизодов в книге де Белькура соотносится с двумя образами России, которые складываются во французском общественном сознании в конце XVIII столетия: как страны просвещенного абсолютизма и как варварской деспотической державы. На поддержание первого мифа деньги дает русский двор, на поддержание второго — французский¹⁹.

Можно сказать, что «Дневник французского офицера», будучи автобиографическим в своей сюжетной основе произведением, представляет собой «хронологию» пути главного героя. Вместе с тем это произведение является источником ценных сведений об истории, географии, климате, этнографии, городской архитектуре, а также культурной, экономической и бытовой жизни России и Сибири 1770-х гг. «Дневник» де Белькура из библиотеки Строгановых прочитывается и как своего рода акт двойного культурного «перевода»: «перевода» отечественных реалий на чужой язык и затем преломления образов чужого языка в русской рецепции. Несовпадение времени действия и нарратива в этой книге, противопоставление нарратива (письма) и метанарратива (читательских помет) передают выраженную динамику означаемого — «воображаемую» географию и мифологию Сибири, рождающуюся на пересечении французской и русской культурных традиций.

¹⁹ Строев А.Ф. Война перьев: Французские шпионы в России во второй половине XVIII века. Адрес электронного доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_3/02.htm